

В.Г. ТИМОФЕЕВА

учитель гимназии № 8

Трудно писать об уникальном издании. Вспоминаешь отзыв академика В.М. Алексеева на докторскую диссертацию синоведа Ю.К. Щуцкого, признававшего невозможность полноценного анализа труда диссертанта вследствие того, что в его области нет адекватно квалифицированного исследователя, тем более, что автор являлся «единственным хранителем всего... синтеза» изучаемых текстов и интерпретирующих и аналитических работ. Профессор Е.Г. Мущенко и доцент Т.А. Никонова, составители и редакторы пособия «Русская литература XX века», одни могли бы исчерпывающе объяснить замысел, концепцию тома, насчитывающего 78 статей 24 авторов, написанных в разное время и представителями качественно разных поколений научных работников: от профессора до студента. Однако Екатерины Григорьевны уже нет с нами... а Тамара Александровна не без оснований говорит, что научная статья требует интеллектуального и творческого труда не только от авторов, но и от читателей, тем более людей, профессионально занимающихся изучением и преподаванием литературы.

Книга рассчитана именно на них: работников и студентов вузов, учителей-словесников. Ее структура четка. Пособие состоит из Введения и пяти частей: 1. Литература начала XX века; 2. Русская литература 20-х годов XX века; 3. Русская литература 1930-х - начала 1960-х годов; 4. Литература 1960-х - 1980-х годов; 5. Проза конца XX века. Справочник.

В настоящее время это наиболее «охватывающее» пространство литературы ушедшего столетия пособие, так как речь в нем идет о тенденциях и произведениях временного интервала 1880-1998 гг. (не будем останавливаться на вопросе соотносительности условных календарных рубежей и фактических границах периодов зарождения, расцвета и угасания определенных явлений культурно-исторического процесса, выделяемых как, скажем, эпоха Ренессанса или Просвещения, тем более, что в рассматриваемом пособии этот вопрос не обойден). На первый взгляд, перед нами сведенные под одну обложку уже известные читателю-филологу выпуски серии «Русская литература. Писатели XX века» (1995-1998 годы издания), подготовленные кафедрой русской литературы XX в. филфака ВГУ. Однако разница не только в том, что во многом изменена и расширена номенклатура статей, привлечены для работы над книгой проф. А.М. Абрамов, доц. П.А. Бороздина, доц. Т.С. Осицкая и многие другие,

менее маститые авторы. Главных отличий три: 1) нам представлена книга с целостной концепцией литературного процесса двадцатого столетия в России; 2) статьи в ней, как правило, полемичны по отношению к существующим в традиции отечественного литературоведения позициям трактовки художественного мира представленных писателей; 3) статьи не только сведены, но и отредактированы как части целого, что позволило избежать стилевого разнобоя, но сохранить при этом индивидуальный голос автора той или иной главы. Таким образом, перед нами не «попытка через избранные периоды, имена и произведения представить историю русской литературы XX века», как скромно сказано в аннотации, а вполне реализованное воплощение оригинального варианта единой картины жизни национальной литературы прошедшего столетия.

Так заявить позволяет прежде всего содержание вступительных статей, открывающих книгу в целом и каждый частный раздел. Их авторы Е.Г. Мущенко и Т.А. Никонова последовательно разворачивают перед читателем панораму литпроцесса. Напомнив историю полемики о сущности и соотношении этического и эстетического в искусстве, ведшейся в 80-е годы XIX века, авторы заключают, что к началу 1890-х годов широкое существование оттенков, проявившихся на едином реалистическом фоне русской литературы, завершилось. Тип художественного мышления, проявившийся в это время, - неклассический, выстраивающий мир и место человека в нем с позиций Хаоса, а не Космоса, причем в центре стоит не Творец, а *творец*, человек-создатель, вне зависимости от того, что он создает. Пафос жизнестроительства, в начале века «представленный как задача нового искусства (открыть единые законы построения жизни и искусства)», художественное сознание эпохи рубежа, тяготевшее «к системности, к открытию неких универсальных моделей мира и человека» (с. 15), выход на антропоцентризм, гуманизм как на новую религию, взгляд на искусство как на способ миротворчества задали направлению художественной мысли целого столетия мифопоэтическую установку.

Космогонические мифы (в их библейском варианте и религиях Востока, более известных в России) трактуют процесс творения мира как изготовление его демиургом, своеобразное извлечение божеством из себя, порождение предметов и явлений путем их словесного называния. Процесс творения может свершиться в результате волевого акта

самого творца или в ответ на чью-либо просьбу (своего рода «социальный заказ»), а материальным составом творимых объектов чаще всего служат части тела, слова, пена и грязь. Сам же творец - возникший из первородного хаоса и «обнаруживший себя в пустоте и безвидности» делатель всего сущего. Космогонические мифы отвечают схеме типа «некто сотворил неким способом нечто» (см. Мифы народов мира. - М.: Олимп, 1997. - С.8-9).

Парадоксальным образом эти древние космогонические представления стали основой взгляда на художника как творца миров и преобразователя реальной жизни посредством искусства в XX в. Авторы пособия вспоминают, например, увлеченность И.А. Бунина идеей циклического развития исторического процесса, характерной для архаического мышления и воскрешенной в новое время К.Н. Леоньевым и О.Шпенглером (с. 31), отношение к роману М. Горького «Мать» как к «символу новой веры» (с. 57), «мифический прообраз бытия» и «слово-Бог» в творчестве Н.С. Гумилева (с.161); мы же вспомним общеизвестное ахматовское «когда б вы знали, из какого сора растут стихи...» - но это уже из области ассоциаций...

Бытование пафоса переделки мира, создания нового человека по архаическому типу творцом-художником с помощью средств и примера искусства прослеживается авторами пособия до 30-х и с 30-х до 60-х годов, когда мифопоэтическая установка сменяется эпическим отношением к миру, «биография дела» отодвигает человека на второй план, а интересы государства в системе ценностей становятся «главным фетишем». В 60-80-е годы мироощущение художников становится эклектичным, самоидентификация - неопределенной. Даже в «деревенской» прозе соединяются публицистика и миф, документ и философские размышления. Но ожидаемого выхода на создание литературы «нового религиозного сознания» (по схеме: миф — эпос - христианская легенда, см. хотя бы змеборческую тему в искусстве - ВТ.) нет: «Бог умер» в стране победившего атеизма, и писатели опять обращаются к архаике, но теперь к обожествлению природы как истинно непреходящей - и анимированной - ценности, а отсюда уже рукой подать до нового витка «зациклившейся» в XX столетии литературы: проза 80-90-х годов повторяет поиски и открытия начала века. «Личностное бытие, легко уязвимая человеческая душа и инертное, оттого и взрывоопасное человеческое сознание... вновь выступают мерой смысла и ценностей бывшего и настоящего» (с.711).

Внутри частей книги идет конкретизация намеченных тенденций по направлениям и именам. И здесь еще раз следует упомянуть полемичность ста-

тей. Собирая известные мнения, как устоявшиеся, так и новые, авторы в противовес или дополнение им выдвигают собственные концепции, представляют и свой взгляд на художественный мир писателя, явления его творчества. Так, например, анализируя прозу М. Горького, Т.А. Никонова говорит о том, что «писатель... связывал все надежды на будущее не с абстрактным... представлением о народе, но с отдельным человеком, яркой личностью, аккумулярующей в своей деятельности чаяния многих (с. 52); Е.Г. Муценко, критически анализируя литературоведческие работы об А.Н. Толстом и высказывания разных лет самого прозаика, корректирует взгляд на этапы его творческого становления, дает свое видение проблемы соотносимости индивидуального творческого метода Толстого с социалистическим реализмом (с. 344,347-348); О.А. Бердникова в статье об А.И. Солженицыне создает стройную схему опровержения устоявшегося в критике взгляда на Нержина (героя «В круге первом») как на автобиографический персонаж (с. 629-630) и т.д. И все это - с убедительной опорой на тексты, с анализом исканий писателя в контексте тенденций эпохи.

Особый интерес для учителей словесности представляют обширно приведенные в книге примеры анализа поэтических и прозаических текстов. Без этой конкретности не обошелся ни один из авторов статей, что делает пособие практически направленной, даже, можно сказать, обучающей книгой, руководством для преподавания курса теории и практики литературоведческого анализа текста.

Хочется также отметить блестящую эрудицию авторов, их глубокое знание не только традиционных, но и новейших источников-исследований в области мирового литературоведения, культурологии и философии.

Разумеется, есть и претензии к составителям пособия. Очень не хватает раздела «Сведения об авторах», концептуальность вступительной статьи четвертой части затуманена, заслонена «живым материалом» - рассказом о творчестве Е.И. Носова (возможно, при переиздании стоит выделить монографическую часть в отдельную статью), «Справочник» пятой части несколько выбивается из жанра пособия. Но это недочеты, не умаляющие главного: наконец-то — и как вовремя! — мы получили учебник, целостно и систематизирующе рассказавший о сложном, специфическом процессе бытования литературы в России XX века. Эта книга издана ВГУ в 1999 году и явилась первой в своем роде. Столетие закончилось, не одарив нас ничем подобным из прочих издательств. Теперь наша книга не только первая, но и последняя, «закрывающая» тему в XX веке. И в этом - тоже ее уникальность.